

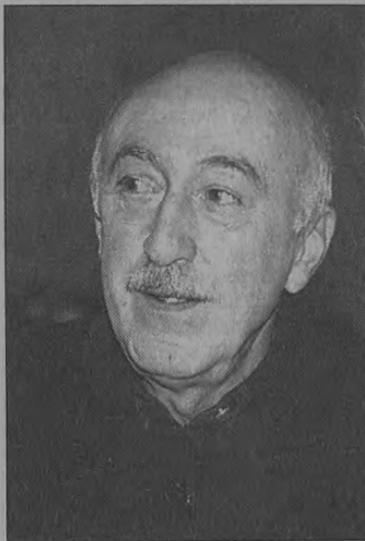
Весело отношусь к тому, что изменить нельзя

Отар ИОСЕЛИАНИ приехал в Москву из Франции, где живет уже давно, чтобы представить свою типично иоселианиевскую картину "Утро понедельника" (Франция — Италия), выходящую в прокат. О самом фильме мы уже писали летом, после того как его представил фонд "Триумф". Иоселиани получил за "Утро понедельника" "Серебряного медведя" как лучший режиссер на кинофестивале в Берлине в 2002 году и приз ФИПРЕССИ "За профессиональный и изящный портрет абсурда и скуки повседневности". Мы имели возможность задать Отару Иоселиани два вопроса.

— Часто у вас снимаются не актеры, вот и теперь главную роль сыграл Жак Биду — известный во Франции кино- и телепродюсер. Так кто за кем ходит: персонаж за человеком или человек за персонажем, возникшим в вашем воображении?

— Я боюсь профессиональных актеров по одной простой причине: они, на мой взгляд, лишены личностных качеств. Они приобретают такое количество клише, с которыми трудно бороться. Я открываю записную книжку, думаю, кто из моих знакомых может подойти на ту или иную роль, и знаю, что он, скорее всего, никогда не будет играть в кино и не обладает никакими штампами. Моя задача — не заставлять его делать то, к

чему он непривычен, скажем, целоваться с кем-нибудь чужим, потому что все это невозможно для нормального человека. Люди, снимающиеся у меня, несут в себе заряд своей личной жизни, что и передает притча, которую я рассказываю. Потому что они сами непродуманные. Это та палитра, которую надо просто не упустить, воспользоваться ею. Каждый из нас — актер. Все мы вруны, притворяемся, изображаем что-то. Стараемся скрыть, кто мы есть на самом деле. За пленкой непроницаемости проступает общая для всех черта непознаваемости нас самих. Поэтому я никогда не снимаю крупные планы, не подхожу к актерам близко, иначе они станут не персонажами, а теми, кто они есть. Во време-



О. Иоселиани

на французского Конвента Дантон размахивал руками и выкрикивал свои речи на далеком расстоянии. Это был персонаж. Сегодня вы видите Жака Ширака близко и понимаете, кто он такой. Вот Иосиф Виссарионович всегда был далеко. Хитрый, не хотел показываться на крупном плане. Крупный план — опасная вещь, все делает конкретным. Я стараюсь

не проникать в личностную сторону персонажей, так как знаю, что кино — это средство, скользящее по поверхности. Мы не можем описывать жизнь людей так вязко, патологически, как делает это Пруст. Мне близок метод Александра Дюма, который дает лишь абрис персонажа и никогда не напишет, о чем он думал. Идентификация себя самого с персонажем, копание в его внутренних, душевных движениях, как это бывает у Достоевского, категорически невозможны в кинематографе. Поэтому и беру таких актеров, которые уже своим появлением на экране привносят груз прожитой жизни. Дальше мне ничего объяснять не надо.

— Вам, похоже, интереснее наблюдать за провинциалом, таким, как ваш герой, нежели за парижанином или жителем любой другой столицы?

— Понятие "провинция" — уродливое, презрительное. Оно означает, что где-то там есть человек, который не в курсе дела нашей шикарной, светской жизни. В Грузии еще в XIX веке дворянских детей отдавали на воспитание крестьянам. Знали, что там они не будут избалованы, вырастут вежливыми, научатся почитать

старших, поймут, что такое язык, поэзия, поэзия. Потом, возгордившись, мы стали буржуа и горожанами, набравшись легкого презрения к своему недавнему прошлому.

То, о чем говорил Отар Иоселиани, о чем рассказал в своем фильме, можно принять в качестве совета жить правильно. А размышляет он о том, что все на этом свете кончается плохо, поэтому лучше не занудствовать, а забыть о том, что нас ждет, и посмотреть иронично на то, что нас окружает.

— Меня трогает серьезность людей, потому что серьезные люди комичны, — продолжал режиссер. — Почему мы любим Булгакова, Ильфа и Петрова, историю города Глупова? Потому что все это трагично и комично одновременно. Нет большей радости, чем делить со зрителем наше веселое и небрежное отношение к тому, что изменить уже нельзя. Я привез своего героя, который хотел повидать далекие края, в Венецию — самый чудный и роскошный город. Для того чтобы подчеркнуть одну элементарную истину: никуда не денешься на этом свете, везде одно и то же. Этот город оказался населенным такими же, как и он, людьми, точно так же каждое утро отправля-

ющимися на завод вкалывать. Каким бы несчастным, убогим ни было место, где мы живем, мы гордимся тем, что оно особенное. Для меня лучше страны, чем Грузия, на свете нет. И лучший город, чем Москва, пусть она кошмарна, противоречива, полна хамства, за все это я и обожаю ее. Можно было героя отправить сюда, но тогда следовало бы поднять далекие пласты, потому что Москва — не просто декорация, а целая страна. Насчет того, как жить на свете, скажу так: у меня есть единственное желание — чтобы у всех нас было время жить, а где — это уже не важно. Жить — это привечать друзей, иметь время на то, чтобы уделить им внимание, получать радость от того, что они существуют. Жизнь заключается и в необходимой доле труда, после которого, усталые, мы должны иметь возможность о чем-то друг с другом поговорить, вздохнуть, оглянуться назад, подумать о том, что нас ждет. Это и есть самое главное, что составляет вязь в ковре нашей жизни.

Записала
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото
Ларисы КАМЫШЕВОЙ